Скворцов А. М. Из истории развития советской исторической науки в 1930-е — 1940-е годы : защита докторской диссертации А. В. Мишулиным / А. М. Скворцов // Научный диалог. — 2019. — № 2. — С. 296—310. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-296-310.

Skvortsov, A. M. (2019). On History of Soviet Historical Science Development in 1930—1940ies: A. V. Mishulin's Doctoral Thesis Defence. *Nauchnyi dialog*, 2: 296-310. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-296-310. (In Russ.).

УДК 930(470)"193/194"+94(47).084.6:94+378.245(091)

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-296-310

Из истории развития советской исторической науки в 1930-е — 1940-е годы: защита докторской диссертации А. В. Мишулиным

© Скворцов Артём Михайлович (2019), orcid.org/0000-0002-3287-4154, кандидат исторических наук, доцент, Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия), artyom-skvorcov@yandex.ru.

Анализируются сведения о подготовке и защите в 1943 году докторской диссертации А. В. Мишулина «Античная Испания и её вступление в борьбу за независимость (до установления римской провинциальной системы в 197 г. до н. э.». Уделяется внимание нормативно-правовой базе защит диссертаций, процессу подготовки диссертационного диспута, а также его процедуре его проведения в 40-е годы XX века. Представлены результаты сравнительного анализа автобиографий Мишулина разных лет (1920—1930-х годов и 1943 года), что позволяет выявить факторы формирования его «канонической» биографии. Доказано, что соискатель пытается позиционировать себя в качестве «настоящего учёного» (не «выдвиженца»), прошедшего все необходимые стадии научного «взросления». Показано на основе архивных данных, что соискатель расценивал защиту докторской диссертации как своеобразный ритуал, позволявший ему заслужить авторитет среди именитых историков и стать полноправным членом научного сообщества, чего невозможно было достичь в связи с публикациями (в частности, монографии о восстании Спартака), которые вышли в свет до защиты диссертации. Уделяется внимание научному стилю А. В. Мишулина, для которого характерны широкие историографические обзоры, обобщения на их основе, следование полученным в историографии выводам. Отмечается, что, несмотря на военные условия, с формальной и содержательной точки зрения диспут по поводу защиты диссертации прошёл практически идеально.

Ключевые слова: А. В. Мишулин; советское антиковедение; историография античной истории; диссертация; диспут; диссертационная культура.

1. Система учёных степеней в 1930-е годы

Российская двухступенчатая система ученых степеней, существующая в настоящее время, исторически восходит к германской системе академической научной деятельности XVIII—XIX веков, в которой существовали три основных ученых степени: кандидат (соответствующий современному магистру, окончившему университет с красным дипломом), магистр (соответствующий современному кандидату наук — эта степень давала основание для занятия должности доцента), доктор наук. Окончательно российская двухступенчатая система сформировалась во второй половине XIX века, когда степень кандидата была упразднена, а для получения степени магистра или доктора требовалось проведение академического диспута — защиты соответствующей диссертации.

Диспут по защите диссертаций в университетах Российской империи являлся своеобразным праздником научного сообщества, который собирал как членов Учёного совета, так и широкие круги образованной общественности. Защита диссертации была сродни обряду инициации. Пройдя его, соискатель не только обретал искомую степень, но и становился полноправным членом научного сообщества. Он признавался авторитетом в определённой области знания, соответствующей его трудам. В дальнейшем это могло стать отправной точкой для формирования научной школы.

Ученые степени, как и прочие титулы, чины и звания, были отменены Советской властью в 1918 году. На протяжении 1920-х — начала 1930-х годов ученые именовались по занимаемым должностям (аналогичная ситуация существовала и в других иерархиезированных структурах, например, в армии). Тем не менее уже в первой половине 1930-х годов возникла необходимость возвращения к персональным званиям — как в армии, так и в академической среде. В 1934 году ученые степени были восстановлены, при этом степень магистра была заменена степенью кандидата наук, а степень доктора наук, дававшая основание для должности профессора, была восстановлена в прежнем виде.

Вместе с этим постепенно стали возрождаться некоторые традиции дореволюционной научной квалификационной системы, и прежде всего — порядок защиты диссертации. Но появилась и возможность получения учёной степени без процедуры защиты, за совокупность трудов. Под «трудами» на практике подразумевались учебные пособия, монографии (зачастую научно-популярного характера), научные статьи. То, что мыслилось, скорее, как исключение, мгновенно стало распространённым явлением: среди соискателей учёных степеней обозначилась тенденция при малейшей возможности попытаться обойти процедуру диспута. С. А. Жебе-

лёв с глубоким сожалением констатировал: «Теперь на диспут смотрят как на своего рода пригвождение к позорному столбу» [Жебелёв, 2002, с. 165]. По подсчётам Л. А. Козловой, за период с 1934 по 1936 годы из 345 соискателей, получивших учёную степень, лишь 67 прошли процедуру защиты [Козлова, 2001, с. 145—146]. Среди них был и герой данной статьи — Александр Васильевич Мишулин, ставший кандидатом исторических наук в 1935 году. В научных кругах возникла целая когорта «скороспелых» кандидатов и докторов наук, которые зачастую выдающихся научных достижений не имели, но занимали высокие административные посты. Вместе с ними бок о бок работали представители ещё старой дореволюционной профессуры, получившие учёную степень традиционным способом, — через создание и защиту исследования. Впрочем, уже с конца 1930-х годов ситуация стала постепенно меняться: всё меньшему количеству соискателей степень присваивалась без защиты диссертации.

В это же время властью стали востребованы дореволюционные профессора: возникла необходимость составления новых, насыщенных фактами и подробностями, а не «голыми» схемами, учебников по истории, и написания многотомной «Всемирной истории», изложенной с новых идеологических позиций [Крих и др., 2014, с. 90—91; Вигасин и др., 2015]. Они работали бок о бок с новым поколением кандидатов и докторов наук, получивших учёную степень без защиты диссертации. Видя востребованность «старых» кадров, новое поколение учёных стало тянуться к этим, казалось бы, забытым авторитетам, перенимать ряд особенностей их научного творчества и демонстрировать свои научные заслуги посредством традиционных для учёного сообщества способов. На примере защиты диссертации А. В. Мишулина в 1943 году мы видим, каким образом историки, получившие степени в 1930-е годы по совокупности трудов, пытаются стать полноправными членами элитного круга учёных, добившихся каждой ступени квалификации научными заслугами. В более широком контексте обозначенное стремление знаменует собой шаг к сближению с дореволюционными традициями «диссертационной культуры».

Диспут по защите докторский диссертации А. В. Мишулина начал готовиться сразу после возвращения из эвакуации Академии наук и Московского университета в 1943 году. Соответствующее дело о защите диссертации хранится в Архиве Российской академии наук [АРАН, ф. 1577, оп. 2, д. 72.]. Его изучение заставило обратиться и к более ранним сюжетам биографии историка, 1920—1930-м годам, когда шло становление А. В. Мишулина как советского учёного.

2. Нормативно-правовая база защиты докторской диссертации в 1943 году

В постановлении СНК СССР от 20.03.1937 года «Об учёных степенях и званиях» содержались требования к такого рода работам и порядок их защиты [Об учёных степенях и званиях..., 1937]. Вводились следующие критерии оценки докторской диссертации: самостоятельность суждений, решение какой-либо теоретической проблемы или теоретическое обобщение научной проблемы, которая представляла бы значительный научный интерес. Для проверки на соответствие этим принципам перед защитой подразумевалась экспертиза. Специально оговаривался принцип публичности защиты диссертации. С целью выполнения этого пункта предполагалось печатание тезисов работы, издание сообщения о защите в «Известиях ЦИК СССР и ВЦИК». Эти факты свидетельствуют, что сама процедура современного диспута берёт своё начало именно с 1937 года. Она включала такие элементы, как обязательное оглашение биографии, выступление соискателя, оппонентов (не менее трёх для докторской), прения, в которых мог выступать любой присутствующий на защите, заключительное слово соискателя, голосование. Подчеркивалось, что оппонентами не могли быть работники тех кафедр, где выполнялась диссертация. В инструкции-дополнении к этому постановлению от 23 сентября 1938 года содержался перечень документов, который должен был собрать соискатель, непременным стало заполнение явочных и баллотировочных листов, то есть процесс защиты ещё более бюрократизировался [Мамонтова и др., 2014, с. 157—159]. Несмотря на военные условия, эти требования должны были выполняться, так как окончательное решение о присуждении степени было за Высшей аттестационной комиссией (далее — ВАК).

3. Подготовка диссертационного диспута

В указанном выше деле о защите диссертации А. В. Мишулиным хранятся следующие документы: постановление ВАК о присуждении степени кандидата наук, список научных трудов соискателя, его автобиография, выписка из постановления кафедры истории древнего мира МГУ [АРАН, ф. 1577, оп. 2, д. 72.]. Членам Совета были разосланы извещения, содержащие такую информацию: «8 июля 1943 в 4.30 в Институте истории по адресу: ул. Маркса-Энгельса, д. 11 состоится защита А. В. Мишулина "Античная Испания и её вступление в борьбу за независимость (до установления римской провинциальной системы в 197 г. до н. э."» [АРАН, ф. 1577, оп. 2, д. 72, л. 1]. Экземпляр диссертации находился в общем доступе в библиотеке Академии наук.

Поражает та скорость, с которой диссертацию поставили на защиту, что, вероятно, свидетельствует о предварительной устной договорённости соискателя с руководством Академии наук: 21 июня 1943 года датировано заявление А. В. Мишулина с просьбой о проведении диссертационного диспута [Там же, л. 5], а защита назначена уже на 8 июля этого же года. Такая спешка, вероятно, связана с тем, что у соискателя заканчивался срок выплаты сталинской стипендии на написание докторской диссертации, которая ему была назначена в 1940 году на 3 года [Там же, л. 6 об.]. Полученные деньги необходимо было оправдать. Известно, что на время написания диссертации А. В. Мишулин даже ушёл с поста заведующего сектором древней истории в Академии наук.

Следует заметить, что одно нарушение законодательства о защите диссертации всё же имеется. Оно связано с подбором оппонентов. Их было четверо: В. В. Струве, А. Б. Ранович, Н. А. Машкин, А. В. Арциховский. При этом А. Б. Ранович, Н. А. Машкин являлись сотрудниками кафедры истории древнего мира МГУ, на которой трудился соискатель, что противоречило, как выше указывалось, требованиям к оппонентам, участвующим в диспуте. Однако данное обстоятельство вполне объяснимо: высококвалифицированных специалистов по античной истории в СССР, в принципе, было не так много, к тому же многие из них попрежнему находились в эвакуации. Отчасти поэтому в ряду оппонентов появился и авторитетнейший востоковед В. В. Струве. К тому же положительной рецензией академика можно было защититься от возможных бюрократических нападок. Другим оппонентом являлся археолог-славист А. В. Арциховский. Его приглашение обусловлено содержанием представленной на защиту работы, большая часть которой посвящена доримскому периоду Пиренейского полуострова, изучение которого возможно преимущественно через археологический материал. Из четверых оппонентов лишь А. Б. Ранович и Н. А. Машкин являлись специалистами по античной истории. Первый из них — истории раннего христианства, второй — принципата Октавиана Августа.

4. Создание А. В. Мишулиным своей научной биографии

Обращает на себя внимание автобиография Мишулина, хранящаяся в деле о защите, где он сообщает об основных вехах своего жизненного пути. Основываясь на данном документе, мы попробуем проследить путь историка к докторской диссертации. Отметим, что в этой автобиографии мы обнаружили ряд несоответствий написанным им ранее автобиографиям. На наш взгляд, изменения, внесенные в последний доку-

мент, вовсе не случайны. А. В. Мишулин, как мы полагаем, пытался создать идеальную биографию учёного, согласно которой он бы выглядел в научном мире не как «выдвиженец», который благодаря партийному стажу, конъюнктурным статьям и докладам стал претендентом на высшую учёную степень, а как ученый, заслуживший докторскую степень за достижения на исследовательском поприще. К тому же в Учёном совете по защите диссертаций числилось довольно много представителей «старой» школы, которые достигли признания именно благодаря своим трудам и прошли типичный для российского дореволюционного учёного путь: Б. Д. Греков, С. В. Бахрушин, С. К. Богоявленский, В. И. Пичета, Е. А. Косминский, А. В. Ефимов, Л. И. Зубок, Ф. В. Потемкин, В. И. Лебедев. Конечно, членами Совета являлись и представители нового поколения историков: А. М. Деборин, А. М. Панкратова и А. Д. Удальцов, но их было меньшинство. А. В. Мишулин вовремя понял веяния времени и возросший с середины 1930-х годов авторитет старшего поколения историков.

А. В. Мишулин пишет, что после окончания гимназии в 1919 году «поступил на факультет Самарского университета, а в 1921 г. перевёлся в Московский университет» [АРАН, ф. 1577, оп. 2, д. 72, л. 6]. Заметим, что здесь не сообщается, на какой конкретно факультет поступил соискатель. В официальной биографии будет сказано — «на историко-филологический факультет» [К 10-летию со дня смерти..., 1958, с. 170], что не соответствует действительности. В Самарском университете, созданном в 1918 году, было лишь 2 факультета на 1919 год: естественно-медицинский и физико-математический, в 1920 году появится агрономический факультет. Вероятно, А. В. Мишулин вовсе не проходил учёбу в Самарском университете, поэтому вполне сознательно не указывает название факультета. Это доказывает более ранняя биография 1927 года, содержащаяся в его аспирантском деле. В ней сообщается, что в Самарском университете Мишулин состоял преподавателем (читал Конституцию РСФСР) и участвовал в организации агрономического факультета [АРАН, ф. 478, оп. 1, д. 47, л. 1], что вполне может соответствовать действительности. Нехватка кадров в открывавшихся в годы Гражданской войны высших учебных заведениях ощущалась довольно остро, поэтому порой приглашали более-менее грамотных граждан для ведения курсов. Даже «вчерашний» выпускник гимназии (каковым и являлся А. В. Мишулин) вполне подходил для этой роли.

Далее в биографии, написанной в 1943 году, сказано, что в 1921 году А. В. Мишулин перевёлся в Московский университет, который сначала оканчивает в 1922 году по смешанной программе¹, а затем к концу 1923 года проходит полный курс общественно-педагогического отделения [АРАН, ф. 1577, оп. 2, д. 72, л. 6]. То есть буквально за два года по двум отделениям. Думается, что на столь стремительное прохождение университетской программы повлияла партийная работа нашего героя и активная общественная работа. Важно отметить, что общая масса студентов зачастую была необразованной вследствие отсутствия отбора из-за отмены вступительных экзаменов и допуска в университеты людей из разных социальных слоев со слабой подготовкой. В перечне прослушанных Мишулиным дисциплин мы видим большое количество предметов общего характера: психологию, логику, государственное право РСФСР, учение о происхождении и развитии общественных форм, статистику, политэкономию, исторический материализм и др. Специальных исторических семинаров, которые бы погружали студентов в исследовательскую работу, практически нет, за исключением просеминариев «Русская история» и «История Греции» [АРАН, ф. 359, оп. 3, д. 61, л. 424 об.]. А. В. Мишулин прослушал лишь общие лекционные курсы: «История древней Греции», «История древнего Рима», «История древнего Востока», «История средних веков», «История Запада XIX—XX вв.», «История России», «История русской революции», «История рабочего движения», «История Парижской коммуны», «Старый порядок и Французская революция», «История Северо-Американских Соединённых штатов». По замыслу составителей учебного плана, такого набора дисциплин было вполне достаточно для подготовки преподавателей обществоведения. Кроме того, прослушаны были и прикладные курсы: «Методика преподавания обществоведения», «Теоретические основы педагогики», «Теория трудовой школы», «История народного образования в связи с историей педагогических идей», «Экспериментальная педагогика» [Там же].

Обратимся снова к автобиографии 1943 года. Соискатель сообщает, не уточняя дату, что после окончания университета он поступил в Научно-исследовательский институт истории (известный как РАНИОН) для продолжения научной работы, но по партийной мобилизации выехал в Иваново, где работал до 1927 года, поэтому заново начал аспирантуру в 1927 году [АРАН, ф. 1577, оп. 2, д. 72, л. 6]. Очевидно, свой путь в науку А. В. Мишулин пытается представить как типичный, характерный для большинства учёных: университет — аспирантура — защита диссерта-

По смешанной программе в 1922 году оканчивали те студенты, которые поступали на историко-филологические факультеты, а затем вследствие реорганизации оказались на факультете общественных наук.

ции. Практически ничего не пишет автор о своей партийной деятельности, за исключением лишь следующих строк: «Во всей, как производственной, так и общественной работе, я твердо отстаивал генеральную линии нашей партии, ни в каких оппозициях никогда не состоял и никаких уклонов никогда не имел» [Там же, л. 7].

Личное дело аспиранта Мишулина, хранящееся в архиве Комакадемии (формальной преемницы РАНИОН) [АРАН, ф. 359, оп. 3, д. 61, л. 179— 432], начинается именно с 1927 года, нет свидетельств, что он поступал ранее. Однако сообщается, что после окончания университета он занимался пропагандистской работой, инструктировал рабочих в политшколах на фабриках, вёл обществоведение на Центральных рабочих курсах, преподавал в совпартшколе, принимал участие в методических комиссиях по обществоведению, состоял в Иваново-Вознесенском губкоме [Там же, л. 179]. И только спустя несколько лет, имея большой опыт общественной работы, по рекомендации В. П. Волгина (тогда декана этнологического факультета, а в студенческие годы А. В. Мишулина — ректора Московского университета), Иваново-Вознесенкого губкома, Совпартшколы в 1927 году поступил в аспирантуру РАНИОН, в секцию древней истории. Нужно сказать, что вступительные испытания сданы абитуриентом не на высоком уровне: специальность на «4» (зачтена по докладу «Третье сословие в "Государстве" Платона»), истмат — «5», политэкономия — «3» [Там же]. Решающее значение сыграли рекомендации, к тому же конкурс в секцию древней истории был невысок.

За годы обучения в Институте истории А. В. Мишулину следовало в качестве зачётов разработать одну тему по теоретической экономии, одну по истмату, шесть тем по истории (или этнологии), причём три по избранной специальности. Соответствующие доклады защищались на специальных семинариях, проводившихся под руководством опытных учёных. Плюс к этому необходимо было пройти педагогическую практику и получить зачёт по современному европейскому языку [Скворцов, 2016, с. 179—180]. Такие требования казались для многих невыполнимыми. Чаще всего аспиранты параллельно вели педагогическую деятельность, так как стипендий не хватало. Так, А. В. Мишулин преподавал историю техники в Московском институте инженеров транспорта. Предполагалось, что к 1930 году он должен был предоставить диссертацию. В статье, посвященной памяти ученого, отмечено, что в годы аспирантуры А. В. Мишулин специально занимался социальной теорией Платона и Спартаковским восстанием [К 10-летию со дня смерти..., 1958, с. 170]. На самом деле сочинение о третьем сословии в «Государстве» Платона — его вступительная работа, которая переработана, дополнена и сдана в качестве одного из докладов по специальности, но уже под названием «Аграрные основы государства магнетов» [АРАН, ф. 359, оп. 3, д. 61, л. 378]. Сочинение было оценено следующим образом: «Тщательный анализ источника. Хорошее знакомство с общей и специальной литературой. Склонность к широким обобщениям, не пропорциональных мастерству» [Там же]. Здесь отмечена характерная для научного творчества А. В. Мишулина тенденция к обобщениям. Другой доклад «Социальные мотивы в происхождении церковного раскола XVII в.» сделан по русской истории. Работа, несмотря на заявленную тему, носила историографический характер. В отзыве отмечено: «Сам доклад — изложение точек зрения на проблему церковного раскола, причём кратко обозначены взгляды церковных писателей. Говорит непоследовательно о слиянии религиозной идеологии с социальным движением» [АРАН, ф. 359, оп. 3, д. 61, л. 375]. И в этом случае прослеживается, как мы в дальнейшем увидим, ещё одна особенность творчества учёного — большая описательная историографическая часть и построение на её основе теории.

До закрытия РАНИОНа А. В. Мишулину зачли только один доклад — «Диалектика как метод познания и действия и как философская наука» в семинаре у А. Д. Удальцова. В Комакадемии (официально открывшейся в 1929 году), куда перевели аспирантов из РАНИОН, требования были несколько упрощены [Грудзинская и др., 2018, с. 69]. Мы не знаем, сколько в итоге будущим учёным было подготовлено письменных работ. В одной из записок от 19 марта 1930 года он отчитывается о написании докладов по истмату, специальности, по русской истории, об окончании второго доклада по специальности. В планах было исследование темы о колониальной политике Бисмарка [АРАН, ф. 359, оп. 3, д. 61, л. 432]. Но по специальности Мишулин выступил лишь с темой «Восстание Спартака в Риме». Ход обсуждения оказался стенографирован [АРАН, ф. 359, оп. 2, д. 26]. В обсуждении приняли участие П. Ф. Преображенский, Г. М. Пригоровский, В. С. Сергеев, Глуховский и Домбровский. Все они отнеслись к докладу довольно скептически. Почти все заявили, что не считают возможным на основании фрагментарного корпуса источников делать широкие обобщения о массовом участии в восстании Спартака свободных граждан, о противостоянии рабов всей системе хозяйственных и социально-политических отношений, о классовой борьбе между мелким крестьянством и крупными землевладельцами, о датировке начала восстания 74 годом до н. э. Критиковались преувеличение значимости в движении рабов личности Спартака и структура доклада. Автор при изложении материала шёл за античным автором Аппианом (пренебрегая сообщениями Саллюстия), а в ряде — за современным немецким исследователем Шамбургом [Там же, л. 10—38].

Другими словами, все выступавшие отметили низкое качество работы. А. В. Мишулин был крайне обижен на оппонентов. Вероятно, «не зная, чем крыть», он заявил, что содержание прений ему не понравилось, так как внимание переключилось, по его мнению, на мелочи, а не на оценку его концепции. Однако рецензентам было очевидно, что эти «мелочи» рушат саму концепцию А. В. Мишулина. Низкая оценка работы не помешала ему стать выпускником аспирантуры 1 октября 1930 года, а затем издать эту работу в виде монографии, причём практически без исправлений [Мишулин, 1936]. Показательна рецензия П. Преображенского в журнале «Историкмарксист» на монографию 1936 года: в ней приведены те же самые замечания («автор стремится быть самым настоящим исследователем, что ему не всегда удаётся», многие выводы не находят подтверждение в источниках), что и на обсуждении доклада [Преображенский, 1936, с. 207—208]. Более того, «Спартаковское восстание» зачли в качестве кандидатской диссертации без защиты в 1935 году. Ленинградский антиковед С. И. Ковалёв в отзыве отметил, что источники подвергнуты «правильному критическому разбору», «работа... обнаруживает хорошее знакомство с источником и литературой вопроса, умение самостоятельно ставить и решать конкретные исторические проблемы и владение методами исторической критики», и вообще — это «первая серьезная попытка марксистско-ленинского истолкования великого восстания италийских рабов» [АРАН, ф. 478, оп. 1, д. 47, л. 5—6], хотя позже, находясь в местах лишения свободы, С. И. Ковалёв будет довольно скептически отзываться о способностях А. В. Мишулина, назовёт его малоквалифицированным учёным, обладающим плохим стилем [Скворцов, 2017, с. 221]. Другими словами, в середине 1930-х годов С. И. Ковалёву выгодно было заручиться поддержкой А. В. Мишулина.

Далее в биографии историк пишет только о своих должностях в учебных и научных учреждениях (директор Московского отделения ГАИМК, профессор кафедры истории древнего мира МГУ, заведующий сектором древней истории Института истории АН СССР, сотрудник «Вестника древней истории»). Ни слова о том, что он состоял в Обществе «Историк-марксист» или был председателем месткома в ГАИМК с 1935 года.

6. Диссертационный диспут А. В. Мишулина

В середине 1943 года герою данной статьи предстоял второй в его жизни крупный научный диспут. Структуру работы можно представить на основе изданной С. Л. Утченко и Я. А. Ленцманом посмертно книге

«Античная Испания», в основу которой легло диссертационное исследование А. В. Мишулина. В монографию добавлена только глава о римской административной политике в Испании. Редакторы отмечают, что автор планировал издать этот труд сам, работал над ним время от времени, но не успел завершить его [Мишулин, 1952, с. 4].

Структура работы, на наш взгляд, очень показательна для характеристики творчества историка. Охарактеризуем ее по изданию 1952 года. Первая часть «Обзор источников и историографии» составляет 100 страниц. Вторая — «Формирование иберийской культуры» — 105 страниц. Третья — «Борьба иберов против карфагенских и римских завоевателей» — 99 страниц (за вычетом 11-ти страниц, более позднего добавления, 88 страниц). Другими словами, более трети содержания — это только обзор археологических и письменных источников. Эти 100 страниц предвещают, казалось бы, огромную исследовательскую работу автора. Но надежды читателя не оправдываются: собственно аналитическая часть не такая объёмная, при этом второй раздел строится практически целиком на археологических трудах Х. Мелиды, П. Бош-Гимперы, П. Пари и посвящён вопросу происхождения иберов. Об этом свидетельствуют, в частности, многочисленные ссылки на труды указанных исследователей. Третий раздел основывается на работах А. Шультена и его коллег по исследованию древней Испании. А. В. Мишулин идет вслед за А. Шультеном в вопросе определения прародины иберийцев, помещая её на юго-восток Пиренейского полуострова, их этногенеза, путей дальнейшего расселения, определения степени историчности данных о царстве Тартесса, которое по особенностям своего развития объявлялось схожим гомеровскому обществу. Такие заключения позволили А. В. Мишулину, как и его предшественникам в историографии, по-иному взглянуть на борьбу иберийцев с завоевателями. Первые объявлялись не варварами, обладающими «национальным самосознанием», поэтому «то, что раньше казалось коварством иберийцев, их варварством, приобретает смысл, потому что нам удается уловить определенную линию поведения иберов в тех столкновениях, которые имели место на Иберийском полуострове во второй пунической войне» [АРАН, ф. 1577, оп. 2, д. 72, л. 38 об.]. То есть борьба иберов мыслилась как национальная борьба против захватчиков. Утверждалось, что в течение 200 лет население Пиренейского полуострова сдерживало натиск иноземцев, но в итоге оказалось под властью римлян. Очевидно, автору важно было продемонстрировать героическую борьбу против захватчиков — тема для 1943 года чрезвычайно актуальная.

Защитная речь А. В. Мишулина строится по тому же самому принципу, что и предыдущие работы автора. Большая её часть посвящена обзору

историографии, изложению истории изучения древнейшей Испании с конца XIX века, и лишь четверть доклада содержит тезисно представленные выводы. При этом мы не видим указания на основоположников марксизма (за исключением указания на Ф. Энгельса в связи с «военной демократией» тартессидов). В адрес зарубежных исследователей Испании и их трудов неоднократно отпускаются лестные эпитеты («изумительный материал», «яркие интерпретации» и т. д.) А в конце объявляются благодарности П. Пари и С. А. Жебелёву. Первому — за вдохновение, второму — за ценные консультации.

6. Заключение

Таким образом, А. В. Мишулин пытается презентовать свой труд как подлинно научное сочинение, а не просто умозрительное построение схем на базе трудов основоположников марксизма-ленинизма. Для этого он постоянно сообщает о разноплановых источниках по теме, о сложности их сопоставления с нарративной традицией. Сама дискуссия идёт исключительно в академическом ключе. Соискатель пытается заслужить авторитет в учёном сообществе, который ему не могла дать монография о восстании Спартака. Следует заметить, что А. В. Мишулин добивается поставленной цели: при закрытом голосовании все члены Совета высказались «за» присуждение ему степени доктора наук.

Исследование документов позволяет выявить особенности подготовки и процедуры защиты диссертации А. В. Мишулина на соискание ученой степени доктора исторических наук, связанные как с историческими условиями защиты, так и с необходимостью создания работы в соответствии с идеологическими установками времени, а также обусловленные желанием автора влиться в научное сообщество, где существенное место занимали исследователи дореволюционной школы. Можно отметить, что диссертационная защита А. В. Мишулина отражает те сложности, с которыми сталкивалась историческая наука 1940-х годов, и ее анализ позволяет выявить тенденции перехода отечественной исторической науки от чисто идеологизированных построений 1920-х—1930-х годов к серьезным научным исследованиям, характерным для более позднего периода.

Источники и принятые сокращения

- 1. АРАН *Архив* Российской Академии наук в г. Москве. Ф. 359. Оп. 3. Д. 61 ; Ф. 478. Оп. 1. Д. 47 ; Ф. 1577. Оп. 2. Д. 72.
- 2. *Об ученых* степенях и званиях. Постановление СНК СССР от 20.03.1937 № 464 [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://sssr.regnews.org/doc/mw/2p.htm.

- 3. *Преображенский П*. [Рецензия на :] А. В. Мишулин. Спартаковское восстание, 1936. 292 стр. / П. Преображенский // Историк-марксист. 1936. № 4. С. 207—208.
- 4. *Мишулин А. В.* Античная Испания до установления Римской провинциальной системы в 197 г. до н.э / А. В. Мишулин. Москва : Издательство Академии наук СССР, 1952. 363 с.
- 5. *Мишулин А. В.* Спартаковское восстание : Революция рабов в Риме в I в. до н.э / А. В. Мишулин. Москва : Соцэкгиз, 1936. 291 с.

Литература

- 1. Вигасин А. А. Неизданная и забытая : «История культуры» 1941 г. / А. А. Вигасин, С. Г. Карпюк // Харківський історіографічний збірник. 2015. Т. 14. С. 77—92.
- 2. *Грудзинская В. С.* Институциональная структура советской исторической науки (конец 1910-х вторая половина 1930-х гг.) : учебное пособие / В. С. Грудзинская, О. В. Метель. Омск : Издательский центр КАН, 2018. 104 с.
- 3. Жебелёв С. А. Учёные степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящяя опасность их вырождения в будущем / С. А. Жебелёв // Очерки истории отечественной археологии. 2002. Вып. III. С. 146—194.
- 4. *К 10-летию* со дня смерти А. В. Мишулина // Вестник древней истории. 1958. № 4. С. 170—171.
- 5. *Козлова Л. А.* «Без защиты диссертации» : статусная организация общественных наук в СССР, 1933 1935 годы / Л. А. Козлова // Социологический журнал. 2001. № 2. С. 145—159.
- 6. *Крих С. Б.* Советская историография древности в контексте мировой историографической мысли / С. Б. Крих, О. В. Метель. Москва: URSS, 2014. 249 с.
- 7. *Мамонтова М. А.* Трансформация нормативной стороны «диссертационной культуры» в СССР в 1930 1970-е гг. / М. А. Мамонтова, Е. Ю. Соганова // Мир историка: историографический сборник. Омск: Издательство Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского. 2014. Вып. 9. С. 146—175.
- 8. Скворцов А. М. Подготовка кадров высшей квалификации по античной истории в СССР 1920-х начале 1930-х гг / А. М. Скворцов // Magistra Vitae : электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. № 2. С. 177—184.
- 9. Скворцов А. М. Разгром «античного кружка» в Ленинграде (по материалам следственных дел архива ФСБ) / А. М. Скворцов // Вестник древней истории. 2017. № 77 / 1. С. 210—223.

On History of Soviet Historical Science Development in 1930—1940-ies: A. V. Mishulin's Doctoral Thesis Defence

© Skvortsov Artyom Mikhaylovich (2019), orcid.org/0000-0002-3287-4154, PhD in History, associate professor, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia), artyomskvorcov@yandex.ru.

The article analyzes the information on the preparation and defense in 1943 of A. V. Mishulin's doctoral thesis "Ancient Spain and its entry into the struggle for independence (before the establishment of the Roman provincial system in 197 BC." The attention is paid to the regulatory framework of protection of dissertations, the preparation of the dissertation debate and the procedure of its holding in 1940-ies. The article presents the results of comparative analysis of Mishulin's autobiographies of different years (1920—1930-ies and 1943), which allows to identify the factors of formation of his "canonical" biography. It is proved that the applicant tries to show himself as a "real scientist" (not a "nominee") who has passed all the necessary stages of scientific "growing up." It is shown on the basis of archival data that the applicant regarded the defense of his doctoral thesis as a kind of ritual that would allow him to gain credibility among famous historians and become a full member of the scientific community, which could not be achieved in connection with the publications (in particular, the monograph on the uprising of Spartacus), which were published before the defense of the thesis. Attention is paid to the scientific style of A. V. Mishulin, which is characterized by broad historiographical reviews, generalizations based on them, following the findings of historiography. It is noted that, despite the military conditions, from a formal and substantive point of view, the dispute over the defense of the thesis was almost perfect.

Key words: A. V. Mishulin; Soviet studies of ancient history; historiography of ancient history; dissertation; dispute; dissertation culture.

Material resources

- ARAN *Arkhiv Rossiyskoy Akademii nauk v g. Moskve.* F. 359. Op. 3. D. 61; F. 478. Op. 1. D. 47; F. 1577. Op. 2. D. 72. (In Russ).
- Mishulin, A. V. (1936). Spartakovskoye vosstaniye: Revolyutsiya rabov v Rime v I v. do n.e. Moskva: Sotsekgiz. (In Russ).
- Mishulin, A. V. (1952). *Antichnaya Ispaniya do ustanovleniya Rimskoy provintsialnoy sistemy v 197 g. do n.e.* Moskva: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. (In Russ).
- Ob uchenykh stepenyakh i zvaniyakh. Postanovleniye SNK SSSR ot 20.03.1937 № 464. Available at: http://sssr.regnews.org/doc/mw/2p.htm. (In Russ).
- Preobrazhenskiy, P. (1936). [Retsenziya na:] A. V. Mishulin. Spartakovskoye vosstaniye, 1936. 292 str. *Istorik-marksist*, 4: 207—208. (In Russ).

References

- Grudzinskaya, V. S, Metel', O. V. (2018). *Institutsionalnaya struktura sovetskoy istoricheskoy nauki (konets 1910-kh. vtoraya polovina 1930-kh gg.):* uchebnoye posobiye. Omsk: Izdatelskiy tsentr KAN. (In Russ).
- (1958). K 10-letiyu so dnya smerti A. V. Mishulina. *Vestnik drevney istorii, 4:* 170—171. (In Russ).
- Kozlova, L. A. (2001). «Bez zashchity dissertatsii»: statusnaya organizatsiya obshchest-vennykh nauk v SSSR, 1933—1935 gody. Sotsiologicheskiy zhurnal, 2: 145—159. (In Russ).
- Krikh, S. B, Metel', O. V (2014). Sovetskaya istoriografiya drevnosti v kontekste mirovoy istoriograficheskoy mysli. Moskva: URSS. (In Russ).
- Mamontova, M. A, Soganova, E. Yu. (2014). Transformatsiya normativnoy storony «dissertatsionnoy kultury» v SSSR v 1930—1970-e gg. *Mir istorika: istoriogra-*

- ficheskiy sbornik, 9. Omsk: Izdatelstvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta im. F. M. Dostoevskogo. 146—175. (In Russ).
- Skvortsov, A. M. (2016). Podgotovka kadrov vysshey kvalifikatsii po antichnoy istorii v SSSR 1920-kh nachale 1930-kh gg. *Magistra Vitaye: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii, 2:* 177—184. (In Russ).
- Skvortsov, A. M. (2017). Razgrom «antichnogo kruzhka» v Leningrade (po materialam sledstvennykh del arkhiva FSB). *Vestnik drevney istorii, 77 / 1:* 210—223. (In Russ).
- Vigasin, A. A, Karpyuk, S. G. (2015). Neizdannaya i zabytaya: «Istoriya kultury» 1941 g. Kharkivskiy istoriografichniy zbirnik, 14: 77—92. (In Russ).
- Zhebelev, S. A. (2002). Uchenyye stepeni v ikh proshlom, vozrozhdeniye ikh v nastoyashchem i grozyashchaya opasnost' ikh vyrozhdeniya v budushchem. *Ocherki istorii otechestvennoy arkheologii, III*: 146—194. (In Russ).